

Экзамен

Рассказ

Экзамен по военному делу, завершающий летнюю сессию пятого курса медицинского института, подходил к концу.

Войдя в аудиторию, Иришка взяла билет и устремила к одному из столов в последнем ряду. Этот порядок действовал уже много лет. Новенькие садились подальше от преподавателей: удобней списывать. Шпаргалки передавались по наследству от старшего курса – младшему. Иришке тоже достался комплект истёртых листочков.

Накануне вечером она потренировалась читать телеграфные строчки, написанные чужим почерком, сложила шпоры по номерам билетов и, разделив на четыре части, рассовала их в кармашки, специально пришитые в рукавах и к подолу платья.

Девушка вовсе не имела репутации ленивой студентки. К учёбе относилась добросовестно, сессии сдавала на четыре и пять. Экзамен по военке был единственным, когда она, по примеру многих, решила прибегнуть к подсказкам. «Мозги у меня не приспособлены к усвоению материала в форме устава, где шаг влево и шаг вправо карается смертной казнью!» – оправдывалась она.

Отношения с военной кафедрой у Иришки не складывались. Короткая юбочка, рыжие кудряшки и даже солнечные веснушки смешливой девчонки вызывающе не совпадали с предписанными военным уставом правилами внешнего вида студентов. Поведение и вовсе не соответствовало требованиям строевой подтянутости. Она частенько влетала в аудиторию после преподавателя, путалась в формулировках, коими следовало докладывать о присутствии и отсутствии товарищей на занятиях, если ей случалось быть дежурной. Даже стоять навытяжку, как требовалось, у неё не получалось: стройные ножки, стремительно носившие на каблучках свою хозяйку по этажам института или вдогонку за троллейбусом, перед офицерами предательски запинаясь и подкашиваясь на ровном месте.

И нельзя ведь сказать, что Ирина на рожон лезла или нарочно провоцировала преподавателей. Вовсе нет! Настроение её портилось заранее перед началом нелюбимых занятий. Учителя в погонах вызывали в ней даже не страх, а какое-то умственное остолебенение, полный паралич мыслительных способностей и ощущение того, что всё сказанное и сделанное ею окажется невпапад.

Яркий пример такого непопадания в тему произошёл полгода назад, на занятии по организации медицинского обеспечения войск. Эта область знаний казалась Иришке даже не китайской, а какой-то инопланетной грамотой. Мало того что требовалось запомнить все воинские подразделения (рота, батальон, дивизия), так ещё необходимо было знать названия соответствующих им медицинских подразделений, их структуру, штатное расписание, диапазон профессиональной помощи, оснащение, а самое ужасное – перечень приданных транспортных средств. Иришка и в обыденной жизни не умела отличить «Москвич» от «Жигулей», а тут...

Накануне злополучного занятия однокурсники в общегититии шумно отмечали день рождения одной из подруг. Теперь в аудитории царила тишина, изредка прерываемая осторожным шорохом перелистываемых страниц.

– Князева! – командный голос седого подполковника заставил вздрогнуть.

Ирина вскочила из-за стола, уронила сумку, торопливо подняла, снова уронила, опять подняла и усталилась на подполковника, как кролик на удава.

– Не слышу! – в голосе преподавателя звучало возмущение.

– Чего? – робко спросила Ириша.

– Я... я... я... – зашипели ей со всех сторон.

– Я, – пискнула девушка, переминаясь на каблучках, ставших вдруг неустойчивыми.

– Перечислите транспортные средства, приданные медсанбату! – потребовал преподаватель,

недовольно глядя на студентку, не способную даже стоять как полагается.

В голове Иришки звенела пустота. Девушка мысленно превратила свои органы чувств в одно большое ухо, настроив его на ловлю подсказок.

Подполковник явно потерял терпение, если решил помочь ей.

– Авто... – произнёс он, предлагая студентке закончить название.

Та отчаянно прислушивалась к тишине за спиной. И, наконец, уловила с заднего ряда еле слышное:

– Лавка...

– Автолавка! – радостно провозгласила Иришка.

Тишина стала зловещей. Однокурсники повалились на столы, зажимая рты. Лицо подполковника над тёмно-синим мундиром вспыхнуло алым, потом побагровело.

– Во-о-он!!! – выстрелил он указательным пальцем в сторону распахнувшейся двери.

Студентка пулей вылетела в коридор, теряя на ходу тетрадки. Вдогонку неслась волна хохота. Занятие было сорвано.

– Ты зачем это сделала? – спросила Ириша в перерыве вредительницу-суфлёра, вчерашнюю именинницу.

– Я просто так сказала, по аналогии, – оправдывалась подруга. – Не думала, что ты вслух повторишь.

– А надо думать! У меня мозги в отключке. Вся настроилась на подсказки. Что услышала, то и сказала.

Другой неприятный случай произошёл пару месяцев назад. Ириша как раз узнала о том, что беременна.

Весна в этом году случилась ранняя. Снег в апреле уже стоял, распустились листочки, а девчонки нарядились в сарафаны. Военная кафедра объявила о выезде пятого курса на учебный полигон для развёртывания медсанбата в полевых условиях.

С утра светило солнце. День обещал быть жарким. Студентки договорились захватить с собой купальники: вдруг удастся поймать первый весенний загар.

Выехали далеко за город. В лесу начальник кафедры – грозный полковник – приказал выстроиться в каре. Как часто бывает на Урале, неожиданно подул ледяной ветер. Низкие тучи плотно укрыли небо, и пошёл снег хлопьями.

– Смир-р-рно! – раскатилось по поляне.

Две тонкие фигурки отделились от каре и одновременно двинулись к полковнику.

– Встать в строй! – попытался тот остановить их.

Фигурки упорно продолжали движение. Незнакомая студентка (наверно, с другого потока) первой обратилась к командиру:

– Мне неделю назад аппендицит вырезали. Можно я домой вернусь?

– Справка есть? Нет? Встать в строй! – не согласился тот и повернулся к Ирине.

– А я беременна, мне нельзя мёрзнуть!

Она упрямо решила уехать отсюда, несмотря ни на что.

Большой и хмурый полковник скользнул взглядом по щуплой фигурке.

– Не видно! Встать в строй!

– Если я подчинюсь, то «видно» не наступит! – Ирина вдруг перестала бояться, резко отвернулась от собеседника и пошла прочь.

– Стоять! – ударило в спину. Она не остановилась.

– Фамилия! – совсем разъярился полковник.

– Курсантка Князева! – не поворачиваясь, весело выкрикнула она.

Снег валил уже сплошной стеной. Голые плечи горели. Рыжие кудри намокли и повисли жалкими прядями.

Ирише повезло трижды: она не заблудилась в лесу; на пустынной дороге сумела остановить огромный грузовик с высокой кабиной; и водитель, пожалев её, продрогшую и промокшую, довёз до общежития.

Целый час она грелась под горячим душем, а потом отпаивалась дымящимся чаем. Не заболела.

Такая история взаимоотношений с военной кафедрой могла сегодня вылезти для студентки бокком. Она осторожно огляделась. Три преподавателя, принимающие три разные дисциплины, сидели перед ней как на сцене. Двое – начальники кафедры, от которого Ириша удрала с полигона, и подполковник (его она чуть не убила автолавкой) – заняты экзаменом. Третий, молоденький лейтенант с ямочками на щеках, углубился в чтение каких-то бумаг. Он работал на кафедре только второй год, вёл токсикологию. Новичок легко краснел, и девчонкам-студенткам нравилось вгонять преподавателя в краску, гипнотизируя на занятиях томными взглядами.

Иришка сообразила, в котором из четырёх потайных карманов лежит нужная шпаргалка, и стала тихонько вытягивать её. Листочки, свёрнутые гармошкой, неожиданно вырвались из тесного хранилища и с шорохом рассыпались под столом...

Девушка замерла, почувствовала, как от страха спина покрылась испариной. Если сейчас её выгонят – это конец! В истории института нет случаев переэкзаменовок по военке.

Полковник отвлёкся от студентки, которую тестировал, и поднял голову. Подполковник недовольно поморщился. Лейтенант резко встал, шумно сдвинув бумаги, и решительно направился к задним рядам.

«Всё! Меня уже ничто не спасёт!» – мелькнула отчаянная мысль. Ногами Иришка судорожно пыталась собрать высыпавшиеся бумажные гармошки в кучку. Лейтенант остановился в двух шагах, склонился над столом сидящей впереди девушки. Ириша, оказавшись под защитой лейтенантской спины, быстро нагнулась и сгребла шпаргалки. Лихорадочно отыскала нужную, остальные рассовала как попало по карманам. Тихонько перевела дух.

Лейтенант вернулся на своё место. Она быстро переписала короткие телеграфные строчки на чистый лист. Спрятала ненужную теперь шпаргалку. Осталось только зачитать написанное, когда подойдёт её очередь отвечать. Если очень повезёт, то она и дополнительных вопросов не получит.

– Князева!

– Я!

Сначала – к подполковнику. Может, он уже не так на неё злится? Уткнувшись в листочек, зачитала скупой ответ. Тройка. Ура! Теперь – к лейтенанту. Смотрит в сторону. Слушает внимательно. Кивает одобрительно. Прочитала всё, что было. Замолчала в ожидании.

– Хорошо, – лейтенант задумчиво посмотрел на лист, где она добросовестно скопировала шпаргалку. – А что ещё вы можете сказать по данному вопросу?

Ириша растеряно взглянула на экзаменатора. Без улыбки ямочек не видно. Этого она и боялась – дополнительного вопроса! Неожиданно для себя начала читать всё написанное второй раз. Закончила.

– Существенные дополнения. Но мне хотелось бы услышать ещё больше подробностей.

Доченька

Рассказ

Перестук колёс убаюкивал. Хорошо бы послушаться и уснуть. Схватки не дают. Всё туже опоясывают живот, дольше не отпускают. Всё короче промежутки между ними. Ириша еле успевает сделать вдох перед очередной. Может, зря согласилась ехать домой? Но Серёжа так растерялся, когда она сообщила, что ей нужно в роддом...

Беременность наступила неожиданно в конце пятого курса. Сергей к тому времени уехал из Челябинска и работал хирургом в её родном городе. «Неожиданность» не входила в их планы. Но мама Ирины прокомментировала: «А что вы думали? Это не концерт по заявкам!» Тогда все стали решать, что будут делать, когда придёт срок. Сергей настаивал, чтобы жена рожала дома: «Тут всё рядом, а в Челябинск мы с твоей мамой не наездимся». Ирина согласилась.

Академический отпуск Ирише не светил, так как она училась на лечебном факультете. Этот год был последним, когда с него выпускались и детские врачи. На пятки наступал уже новый, специализированный педиатрический факультет. Если бы отстала от своего курса, то потеряла бы возможность приобрести любимую профессию.

Рассчитывали, что, родив перед Новым годом, за каникулы и сезонную эпидемию гриппа, на которую традиционно мобилизовали выпускников, Ирина сумеет перевести ребёнка на искусственное вскармливание и спокойно вернётся к учёбе. К этому времени сначала планировала взять отпуск её мама, потом – Сергей.

Приехать домой Ириша собиралась загодя, за две недели до родов. Оставалась неделя до отъезда,

Обнаглевшая студентка в третий раз прочитала тот же текст!

– Достаточно, – сказал лейтенант. Продемонстрировал ямочки и поставил четвёрку.

Ириша предстала, наконец, перед суровым полковником последней из испытуемых и вновь ощутила себя глупым кроликом. Удав не стал её кушать. Выслушал невнятный ответ, поинтересовался, на каком она месяце, и отпустил. В зачётке нарисовал суммарное: «Удов.»

В коридоре Иришку встретила нетерпеливая толпа однокурсников, участников и свидетелей её непростых отношений с кафедрой военных.

– Сдала! – выдохнула она.

– Ура-а-а! – понеслось по гулкому пространству.

И, дабы не нарушать больше правила строгого устава, шумная компания поспешила на улицу.

На крыльце помيلованная студентка зажмурилась от яркого солнца. Какое счастье: впереди каникулы! У Серёжки (мужа) с понедельника отпуск. Их ждёт путешествие на двоих! И ничто не помешает сосредоточиться на ожидании третьего...

когда она занялась рефератами по будущим темам. Хотела заранее сдать зачёты и получить оценки автоматом, обеспечив себе освобождение от занятий до начала сессии и каникул.

Сегодня пятница. Она как раз корпела в публичке над очередным докладом, когда боли в животе подали сигнал ритмичным повторением. Не вовремя! Это было днём. К вечеру она ждала Серёжу. Похоже, придётся рожать здесь – в Челябинске. Ириша не испугалась, знала: первые роды растягиваются на несколько часов. Начался только период подготовительных схваток. До момента необходимости ехать в роддом она успеет написать реферат.

Когда Ириша с готовым заданием вернулась в общежитие, схватки повторялись каждые четыре минуты. Ничего! В запасе ещё есть время.

Серёжа приехал с последним автобусом вечером. Уже стемнело. От новости, что по всем признакам жена собралась рожать сегодня ночью, у него началась паника:

– Почему так рано? Ты говорила, что у нас в запасе три недели! Обещала рожать дома! Как я буду навещать тебя? А забирать вас с ребёнком отсюда как?

Ирина никогда раньше не видела мужа таким растерянным и многословным, поэтому легко согласилась поехать домой. Сейчас! Немедленно!

– Вы ошалели?! – кричала Галочка – подружка и соседка по комнате. – Последний автобус ушёл час назад!

– А мы на поезде, – не сдавался Сергей.

– Она родит у тебя в этом самом поезде! Не пущу! – Галочка даже попыталась отобрать у Ириши сумку, в которую та покидала свои вещи.

– Ничего, я потерплю, – обняла она подругу. – Видишь, как он нервничает. А мне какая разница, где рожать...

Вагон трянуло. Резкая боль пронзила тело. Ирина закусила угол подушки, чтобы не закричать. Казалось, кто-то всадил невидимый нож в низ живота и медленно его проворачивает... Так больно, что не вздохнуть! Что-то лопнуло внутри неё, пролилось горячим... Вот когда её настиг страх! Только сейчас она испугалась за дочку!

В том, что родится дочка, Ирина не сомневалась. Ещё три года назад, в самом начале семейной жизни, они с Серёжей решили: у них будет девочка – Манечка, Машенька, Мария. И теперь, когда она вот-вот должна родиться, её глупые родители создали для этого события самые неподходящие условия!

– Иди немедленно к начальнику поезда! Требуешь скорую к ближайшей станции! У меня воды отошли, – скороговоркой прошипела она мужу в ухо. Кричать постеснялась: не хотела будить спящий вагон.

– Может, ты ошиблась, и это не воды? – хватаясь за соломинку, с надеждой пролепетал вконец растерявшийся муж.

– Я сейчас тебе в лоб дам!

Сергей выскочил из купе. Она лежала, прислушиваясь к тому, что происходило внутри. По теории, организм должен дать передышку: накопить силы перед основным действием. Только бы не торопился! Примчался муж, сообщил, что через двадцать минут станция. Скорую вызвали.

– Ты сказал, чтобы машина подошла к вагону? Меня на носилках нужно транспортировать! – продолжала распоряжаться грамотная, но такая безответственная шестикурсница.

Как же далека оказалась теория из учебников от действительности!..

Их вагон был одним из последних. Машина скорой за пределы платформы не поехала. Ириша, двумя руками держась за живот, спотыкаясь и ругаясь, плелась сначала по вагону, потом по насыпи за мужем, который тащил её и свою (с гостинцами из дома) сумки.

«Кап, кап, кап...» – просочилось из реальности в тяжёлый сон. «Кап, кап, кап», – застучало дробью.

– Ой! Капает! – звонко, испуганно.

Кто-то трясёт Иришу за плечо:

– Просыпайся! У нас потоп!

Она, подчиняясь, рывком садится на кровати. Тело откликается болью. «Как под грузовик попала». Смотрит на склонившуюся к ней светловолосую девушку в смешной длинной рубаше с завязками у ворота.

– Что это с тобой?! – девушка отшатывается.

– А что? – Ириша ощупывает лицо: нос, щёки – вроде всё на месте.

Черноволосая женщина постарше протягивает маленькое зеркальце. Из круглого оконца на Иришу

глядят страшными глазами незнакомка. Не может быть! Это же она сама! Теперь Ирина (тоже с испугом) разглядывает отражение: красивые рыжие локоны торчат в разные стороны ржавой паклей, лицо усеяно багровой сыпью. Но самое страшное – глаза!.. Вместо них – кровавые озёра, в которых не различить золотисто-коричневую радужку.

– Кровоизлияния... – вздохнула Ириша. – Сосуды полопались в глазах и на коже. Я неправильно тужилась.

В памяти всплыла вся эта ненормальная ночь...

Трясая дорога в дребезжащей скорой, от вокзала до роддома. Санитарная обработка в нетопленном приёмном покое под холодным душем с куском коричневого хозяйственного мыла. Недовольная заспанная акушерка. Холодный родзал. Сердитые крики:

– Неправильно тужишься! Не в ту сторону!

Неподчиняющееся, в немыслимой судороге собственное тело... Крик младенца! Снова раздражённое:

– Говорила же, что неправильно тужишься! Разорвалась вся! – и спокойней: – Дочка у тебя.

Потом – сонная палата, где она оказалась четвертой. Укол. Сон. Странное утро, начавшееся звуком капели. Капанье перешло в журчание.

– Ой-ой-ой! На мою кровать побежало!

Ирина засуетилась вместе со всеми. Лило с потолка. Конец ноября. Непогода. Крыша трёхэтажного здания протекла. Прямо на них! Передвинули кровати как попало, лишь бы потолочный дождь на них не попадал. Прибежала санитарка, притащила тазы и судна, расставила под звонкие струйки.

Детей принесли около одиннадцати. Черноволосая Нина, рожавшая повторно, объяснила трём новеньким, что роддом – железнодорожный, обслуживает прилегающий район и таких, снятых с поездов, как Ириша. Врачи, акушер-гинеколог и педиатр, – совместители.

– Вот когда она посмотрит ребятишек на своей основной работе, тогда придёт сюда. Наших принесут кормить уже после её обхода.

– Как же они терпят, такие маленькие?! – возмущилась светловолосая Лена.

Наконец, медсестра привезла в палату три орущих свёртка с красными от нетерпения личиками.

– А мне? – заволновалась Ирина.

– На твою педиатр наложила карантин на три дня, пока все анализы не придут.

– Почему?

– Ехала неизвестно откуда.

– Как неизвестно? Я из Челябинска, из мединститута...

– Я не начальник.

Когда ребятишки замолчали, присосавшись к мамам, стал слышен тоненький жалобный плач из-за двери напротив. Ириша почувствовала незнакомое чувство тяжести в груди.

– Это она? – глаза наполнились слезами. – Она там одна?

– Сказала же – карантин!

Следующие три дня превратились для Ирины в настоящую пытку. Её девочка, которую поместили в отдельную комнату напротив, всё время плакала в одиночестве. Ирина ревели под дверь. Детская медсестра находилась в общей детской палате и заглядывала к наказанной малышке один раз в четыре часа: сунуть бутылочку со смесью. Она даже не оставалась присмотреть за ней во время сосания.

В ночную смену на дежурство заступила пожилая акушерка с добрым лицом – Клавдия Петровна. Увидела зарёванную Ирину.

– Господи! Это у тебя от слёз глаза кровью залило?

– Я тужилась непра-а-авильно-о-о...

– Ладно, ладно! Хватит реветь дуэтом! Иди к дочери, пока никто не видит. Только не попадайся докторше! Она у нас строгая.

Скользнула за дверь. В первый раз взяла на руки осипшую от крика малышку. Пелёнки мокрые. Сердитое личико красное. Носик крохотный. Реснички тёмные, загнутые. Прижала. Приложила к груди. Та от обиды даже сосать не могла спокойно. Всё отрывалась, всхлипывала – жаловалась.

Покормила. Перепеленала. Так и стала бегать из двери в дверь, таясь ото всех, кроме Клавдии Петровны. На второй день попалась педиатру-совместителю. Как она орала! Только что ногами не топала. Обзывала Ирину всякими словами. Та не слышала: дочка в эту минуту, за дверь, зашла в плаче.

Больше её к дочери до конца карантина не подпускали. Она жила в коридоре, возле палаты, где организовали изоляцию для крошки. Грудь разрывало. Голова гудела. В душе навечно поселилась пронзительная жалость к дочери и жгучая ненависть к совместительнице. «Эсэсовка!» – под этим прозвищем она осталась в памяти Ирины.

На третий день по какой-то причине в роддоме отключили отопление. Вечером Ирина лежала в постели под тонким покрывалом и тряслась. Опытная Нина подошла к ней, приложила ко лбу прохладную ладонь.

– Подруга! Да ты вся горишь!

– Не говори никому! – взмолилась Ирина.

– Сегодня Клавдия Петровна дежурит. Ей можно.

Акушерка прикатилась, как колобок, с градусником и шприцем, наполненным жаропонижающим.

– Грудь болит?

– Не знаю...

– Ну-ка садись, я посмотрю. Эк тебя разбарбанило! Размера на три небось. Температура так просто до тридцати девяти не подскакивает.

– Ей же ребёнок не носят! – вступилась Лена.

– Да с потолка капает!

– И отопление отключили!

– Раскудахталась, – ворчливо оборвала их пожилая женщина.

Положила ладонь на твёрдую грудь новоиспечённой мамы, сильно сжала пальцы вокруг со-

ска. Вскрик застрял у Ириши в горле. Нога подскочила, будто по колену ударили. Далеко брызнули три тугих струи: одна молочная – из груди, две прозрачных – из глаз.

– Ух ты! – не удержалась Лена.

Разделавшись с одной Иришкиной грудью, акушерка то же самое поделала со второй.

– Клавдия Петровна! Только прошу, умоляю, не говорите врачам!

– Да как же я могу? А вдруг с тобой что случится?

– У меня муж врач, я сама диплом получу через полгода. Пожалуйста, молчите! Если меня тут хоть на сутки задержат, всё может плохо кончиться и для меня, и для ребёнка.

На следующий день Манечку принесли на кормление вместе со всеми. В палате пахло молоком. Раздавалось сладкое чмокание и ласковое воркование мамочек над птенцами...

В одном из промежутков между важными занятиями Ириша, наконец, разобрала сообщения, которые передавал Серёжа вместе с гостинцами. Он каждый вечер после работы приезжал из родного города за шестьдесят километров и являлся под окно. Больше всего записок было от него: о том, как он любит обеих. «Это он ещё не разглядел сквозь мутное стекло третьего этажа мою «красоту» с глазами вампира!» Вот открытка от мамы – бесполовая, сумбурная, радостная. Гневная записка от Галочки: «Я же говорила, что родишь в поезде!» Телеграмма: «Ирина поздравляю рождением дочери Надя Казанцева».

– Надя Казанцева – это кто? – вырвалось вслух.

– Может, родственница?

– Нет у меня в родне Надежд.

– Подружка?

– И подружек тоже...

– Тогда – подружка мужа!

Палатные соседки потешались над Иришей до вечера. А та мучилась над вопросом, кто такая эта Надя Казанцева? Про Серёжу думать плохо она не могла. Но всё же... Поздно ночью, когда палата уже погрузилась в сон, её осенило:

– Я вспомнила! Надя Казанцева – это моя соседка по общаге!

– У тебя мозги молоком залило? – изумилась Нина. Лена покрутила пальцем у виска.

– Да мы её с первого курса Кнопкой зовём: маленькая, как Дюймовочка. Имя-то напрочь забылось!

– Кончайте хихихать! – заглянула дежурная медсестра. – Всё отделение перебудите!

На следующую ночь их палата опять отличилась...

Всё пребывание в роддоме слилось у женщин в бесконечную череду кормлений и сцеживаний.

– До последней капли! – требовала во время обхода совместительница-«эсэсовка».

Вот именно эту последнюю каплю они никак не могли добыть. В тот вечер молокодобытчицы

проваландались до двух ночи. Уснули мгновенно. Что явилось сигналом к пробуждению, они впоследствии не смогли установить. Может, медсестра заглянула в палату просто так, для порядка. Может, кому что приснилось. Но только в три часа ночи дежурная увидела свет из-под двери, поспешила к нарушителям режима и... опешила: четыре женщины молча сидели на кроватях. На встрёпанных волосах – наспех повязанные косынки. На лицах – маски. Груды, перемазанные зелёной, обнажены.

– Вы чего? – растерялась медсестра.

– Детей ждём, – четыре пары заспанных глаз бессмысленно таращились на неё.

– Три часа ночи!

Четверо потерявшихся во времени (также молча) повалились на подушки. В косынках и масках. Смех оставили на утро.

На восьмой день у Ириши снова поднялась температура. Клавдия Петровна обнаружила у

неё покрасневшее болезненное место в груди. Помогла сцедиться, дала лекарство. Ирина вновь упростила акушерку ничего не говорить врачам.

– Завтра суббота – моя выписка. Если вы скажете кому-нибудь, меня задержат до понедельника. Тогда дело точно закончится операцией. Молчите!

Клавдия Петровна не подвела...

Ириша сидела на заднем сиденье «Волги», держала на коленях большой кулёк, перевязанный розовой лентой. «Волгу» Серёжа выпросил у главного врача. Остались позади холодная палата, где устанавливала порядок жестокая «эсэсовка», дождь с потолка, круглосуточное добывание последней молочной капли. Закончились бесконечные, безумные девять дней, навсегда изменившие её жизнь. Манечка спала. Ириша смотрела на чистый заснеженный мир сквозь пелену лихорадки и была счастлива. Они возвращались домой!